

В. И. Вернадский. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 С.

Эта книга, изданная к 125-летию со дня рождения В. И. Вернадского, представляет собой сборник в основном последних его исследовательских изысканий. Она во многом необычна не только как юбилейная, увидевшая свет в год, объявленный ЮНЕСКО «Годом Вернадского», но прежде всего в силу того, что впервые в книгу были подобраны такие работы, в которых нашли отражение не только научные идеи, но и мировоззрение, гражданская позиция, философское кредо и даже личные переживания ученого.

Такая объединяющая тематическая направленность — представить всю глубину «философских мыслей натуралиста», — по-видимому, и определила позицию редакционной коллегии в подборе материалов для публикации. В сборнике три раздела. В первый раздел включены уже ставшие широко известными такие работы, как «Научная мысль как планетное явление»; во второй — серии очерков под общим названием «Пространство и время в неживой и живой природе»; в третий — мало известные и не публиковавшиеся ранее фрагменты незавершенных работ, выдержки из дневников и писем, наброски речей и докладов, объединенные под заголовком «Заметки разных лет по философии и социальным вопросам». В приложении наряду с обзорными статьями Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова, С. Р. Микулинского, А. Л. Яншина о жизни и научном творчестве В. И. Вернадского помещена одна из его, пожалуй, самых оригинальных тезисных работ — статья «Несколько слов о ноосфере». Еще одной особенностью данного издания является то, что в первые два раздела включены работы, примерно, последнего 20-летия научной деятельности, а третий раздел начинается с публикации записок 80-х годов XIX в. и заканчивается выдержкой из письма от 21 июня 1943 г. Таким образом, книга охватывает весь творческий научный путь В. И. Вернадского.

Вряд ли здесь уместно излагать основные положения, идеи или научные сомнения В. И. Вернадского, которые в изобилии можно обнаружить в различных работах, собранных в данной книге. Как вряд ли уместно и вступать в полемику, с чем-то соглашаться или на что-то указывать как на явно устаревшее или противоречащее современному уровню познания. Мысли В. И. Вернадского надо изу-

чать ответственно, не увлекаясь, тем более не канонизируя их, как и не впадая в научные амбиции. Сколько уже раз его высказывания, вначале не понимаемые и потому не принимаемые или «в лучшем случае» не замечаемые современниками (даже и в наше время), подтверждали право на свое существование, углубление и развитие! И сколько еще россыпей его гениальных озарений или просто гипотетических и потому пока проблематичных заявок на новые открытия (в изучении проблем биосферы, человека, разума, научной мысли, этики, демократии) ждут своих исследователей и подтверждений!

Но вот о чем, пожалуй, следует сказать особо, так это о поражающем воображение разнообразии интересов В. И. Вернадского и о его страстном желании скрупулезно, с позиций естествознания и вместе с тем с воистину философским осмыслением (его можно отнести к представителям стихийного материализма) разбираться в любом вопросе, над разрешением которого он работал. Заинтересованный читатель может проследить, как в нем, в постоянном стремлении к истине борется бесстрастный и где-то педантичный естествоиспытатель и чувствующий, переживающий, сомневающийся и доверчивый мыслитель-мудрец. Это постоянное нащупывание связей естествознания с философией — характерная черта научного творчества В. И. Вернадского. И это поучительный пример для организации и результативности современного научного поиска.

Надо сказать, что и сами вопросы заставляли В. И. Вернадского идти по пути, как теперь говорят, их системного, комплексного анализа. Так он исследовал, например, называемые вечными вопросы: достижима ли гармония между природой и человеческим обществом; какова роль разума, научной мысли, труда человека в геологической истории планеты («Научная мысль как планетное явление»). С другой стороны, его интересовали традиционно изучаемые специальными науками вопросы симметрии и дисимметрии, противоречия «строения пространства-времени» (серия очерков «Пространство и время в неживой и живой природе»). Изучал он и такие, которые уже, что называется, «витами в воздухе» науки, но еще не были ни сформулированы, ни тем более осмыслены. Или, наконец, такие, которые впервые в науке ставил пытливым ум ученого.

Последние два вида вопросов, а они чаще всего и занимали В. И. Вернадского, по суще-

ству расставлены по всей книге. Это и вопрос о том, что собой представляет ноосфера: теоретическую иллюзию или качественно новое планетное явление в геологической истории Земли и человечества? Это и вопрос о проявлении времени в геохимических и биогеохимических процессах, который в настоящее время, в ходе развития теории самоорганизации, изучается как проблема темпоральности. Это и вопросы об этике ученого в эпоху, когда деятельность человека в биосфере стала глобальной «геологической силой»; о планетном (глобальном), как теперь стали говорить, мышлении; о роли неформальных научных организаций в демократизации общества и в ноосферизации социально-природного взаимодействия; «о соотношении естествознания и философии».

Список можно продолжить и далее, но, пожалуй, и приведенного вполне достаточно, чтобы убедиться, во-первых, в том, насколько они актуальны и еще слабо изучены поныне, и, во-вторых, в том, что, несмотря на начавшееся активное изучение наследия В. И. Вернадского и историками науки, и естествоиспытателями, и философами, пока еще в этом направлении сделаны первые, во многом еще робкие шаги. Это замечание в основном относится к представителям отечественной науки. Для зарубежных ученых (как об этом, например, красноречиво свидетельствовал международный симпозиум «Человек и биосфера: история и современность» — Пуццо, март 1989 г.) труды В. И. Вернадского еще мало доступны (из-за отсутствия современных переводов) и потому мало изучаемы.

Да и у отечественного вернадоведения масса нерешенных проблем, часть из которых отражает данная книга. Возьмем, например, проблему типографских отточий. Несмотря на то, что, по сравнению с изданиями 1975 и 1977 гг., в данной книге разделы «Научная мысль как планетное явление», «Пространство и время в неживой и живой природе» были намного меньше подвержены редакторским купюрам, но они еще имеются в изобилии — достаточно бегло просмотреть тексты. Это замечание уместно и для третьего раздела, где отдельные работы представлены в виде фрагментов («Этика», «Социализм и научная мысль»). А в таком усеченном виде вряд ли корректно относиться к наследию В. И. Вернадского, как вряд ли можно изучать его идеи

и непредвзято, и с пользой для развития науки.

Или взять такую проблему, как полное (академическое) издание трудов В. И. Вернадского. Несомненно, на этом пути сделано уже много, но это пока лишь все же малая и не столь, как того теперь требуют обстоятельства, интенсивно организованная подготовительная работа. И публикация данной книги также тому яркое подтверждение: третий раздел, например, скомпонован так, что во многом нарушена логика построения публикаций в нем. Кроме того, создается впечатление, что материал в раздел набирался по принципу «с бора по сосенке». В «Примечаниях» же книги вообще отсутствует информация о третьем разделе. Наконец, в данной книге, отнесенной к разделу научных изданий, предметный указатель выглядит довольно бедным, а именного указателя просто нет. Не умаляя целесообразности публикации в «Приложениях» обзорных работ известных отечественных ученых, многое делающих для пропаганды и развития идей В. И. Вернадского с позиций своей области науки, полагаем, было бы уместным здесь же или подготовить обзор, или привести список публикаций, в том числе диссертационных работ, в которых в настоящее время анализируются, углубляются, а то и обрывают новое звучание концепции, положения и выводы ученого, названного «Ломоносовым XX столетия». Это, с одной стороны, отражало бы уровень советского вернадоведения более широко и многопланово, с другой — давало бы возможность иметь оперативную библиографическую информацию. По-видимому, как часто у нас бывает, подготовку издания ускоряли к юбилею и — где еще до сих пор умышленно (в случае с имеющими место редакторскими купюрами), а где все — были допущены приводимые выше издательские огрехи и библиографические просчеты.

Хочется надеяться, что в будущем, при переиздании сборника, — а в этом уже сейчас есть необходимость (книга тиражом 20 тыс. экземпляров разошлась молниеносно), — указанные недостатки не будут иметь места. И тогда научной общечеловечности, как отечественной, так и зарубежной, представится возможность изучать наследие В. И. Вернадского в полном объеме, и прежде всего по подлинникам.

В. Н. Барякин (Запорожье)

В. К. Рахилин. Общество и живая природа. Краткий очерк истории взаимодействия. М.: Наука, 1989. 213 с.

Человек — существо странное (и избалованное!). Странное, ибо спохватывается лишь тогда, когда содеянное им самим подводит его почти вплотную к общеземной, общечеловеческой трагедии, для предотвращения которой

приходится платить человеческими жизнями, прилагать немалые усилия и затраты. Почему человек так упорно не хочет представлять себе возможных последствий своих деяний? Отчасти потому, что они в основном растянуты во времени и мало заметны, отчасти от избалованности тоже: «мир велик и богат» и «на всех хватит»... Ну а если и возникает иногда где-либо на задворках сознания тревожная мысль, то вступают в действие своего рода «предохранители» типа «авось обойдется», «и не такое было», «а план важнее»... Мы слишком долго жили в царстве

фантазии о «неисчерпаемости запасов», земных, природных, верой во всемогущество науки и техники, которые якобы в состоянии нас заслонить и спасти, пока экологическая катастрофа не оказалась у порога дома нашего, жизни нашей. Но даже и теперь осознание возможной экологической трагедии «мигрирует» в основном на «верхних этажах мысли», хотя и тут философы все еще продолжают комфортно, неторопливо беседовать в уютных кулуарах, а не на местах трагедий, тогда как сама ситуация требует немедленности самых активных действий уже сейчас (если «уже не вчера»!), осознания опасности каждым человеком без исключения. Поэтому основная задача и философов, и публицистов, и ученых должна заключаться, как это ни звучит странно и непривычно, в том, чтобы реально напугать человеческое сообщество на всех уровнях, ибо только так можно еще стимулировать активные и немедленные действия! Только так можно подать сигнал общей для всех нас беды! Что же нас останавливает?! С одной стороны, привычка, по которой мы боимся признаться в содеянном, боимся признавать масштабы трагедий, боимся говорить о масштабах продолжающейся антиприродной деятельности, а тем самым и деятельности античеловеческой. Боимся признаться, что многие меры, принимаемые нами, до сих пор неэффективны и призваны только успокоить общественное мнение, что на спасение природы (т. е. на самосохранение) отпускается слишком мало средств... Боимся мира, в котором настало время нового мировоззрения, новой философии, иной активности: человек и природа не противостоят друг другу. Человек — часть природы и составляет с ней неразрывное единство. И ничто искусственное никогда не заменит человеку природного, естественного, а если и заменит, то человек перестанет быть человеком. Именно потому отношение к природе есть прежде всего отношение к самому себе. Утеря нравственности, этики и морали в значительной степени происходит именно от нашего традиционно пренебрежительного, потребительского отношения к миру природы.

Автор рецензируемой книги традиционно делит природу на живую и неживую, и мы понимаем, что все, что составляет наш мир, есть живое взаимодействие. Чему посвящена книга? Истории. Сначала истории взаимодействия человека и мира природы, затем — общества и мира природы... От тесного взаимодействия до противостояния. От неосознанного естественного единства до выращивания в себе образа «коварной и враждебной» природы, которую именно потому и необходимо покорить! И наконец, до понимания трагедийности этой философии, которая внедрялась веками. Мы видим путь от первых по-

пыток регламентации охоты до глобальных мероприятий в масштабах ООН. И все же гнетет что-то невысказанное нами до конца. Что же это? А то, что мы, при всех «ахах» и мероприятиях, еще, увы, далеко не достаточных, обращаем внимание на природу только тогда, когда ее травмы грозят нам, людям. Мы восстановили поголовье соболя не потому, что этот зверек украшал леса, а ради пушнины. Мы возобновляем популяцию зубров не затем, чтобы они снова привольно жили в естественных условиях, независимо от человека, а ради музейной и научной «эстетики». И еще более от глубоко запрятанного чувства гордости за то, что сумели такое огромное и величественное животное подчинить своей воле и, загнав в резервации, превратить в музейный безобидный экспонат.

Путь, показанный В. К. Рахилиным, долг и одновременно пугающ. Ибо, несмотря на все мероприятия по спасению природы, действия, приводящие к ее гибели, превалируют. Путь, показанный автором, долг, и еще более долг будет путь обратно, к природе, к естественному взаимодействию с нею, к пониманию ее проблем и ее исключительности, к ее самоценности независимо от того, что и как собирается использовать в ней человек. Книга в основном посвящена мероприятиям по охране природы, животного мира, ибо такова была задача автора. И с этой точки зрения весь материал ее как бы показывает, что всего этого сегодня явно недостаточно! В книге есть глава «Международное сотрудничество по охране природы», в которой рассказывается о мероприятиях охранного порядка. Однако лично у меня не возникает такого мажорного аккорда именно потому, что средства информации выливаются на нас целые потоки сведений о загрязнении рек, озер, морей и океанов, о пыльных бурях, вызванных неразумными действиями человека, о засолении почв, о пересыхающих морях, о болезнях и гибели людей, вызванных применениями химических веществ, отходами промышленности... Книга «смотрится» лишь на фоне этой сегодняшней реальности. И только в таком «совместном прочтении» ее и каждогодневного информационного материала мы улавливаем заключение, которое само собой рождается у читателя: «Люди, будьте бдительны!» Ибо, несмотря на то что уже сделано и делается, этого далеко не достаточно, чтобы избежать катастрофы! Будьте бдительны, люди!

Научный аппарат книги включает русские, советские и иностранные источники. Всего — 636 (!) названий. Книга насыщена фактическим материалом, который делает ее своего рода справочным, учебным пособием для всех, кто занимается вопросами экологии.

В. К. Кузаков

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.) / Под ред. Лихачева Д. С. Л.: Наука, 1987. 493 с.; вып. 2 (вторая половина XIV—XVII в.). Ч. I. А—К. Л.: Наука, 1988. 516 с.

Различные справочно-библиографические издания, энциклопедии и словари стали сейчас очень популярны. Интерес к ним оправдан — читатели ищут пути доступа к базовым, основополагающим источникам и фактам. Перестройка обнажила одну важную для историка истину: завоевать авторитет истолкователя без глубинной фактологической базы нельзя, а по-настоящему квалифицированный поиск и отбор источников не только требует не меньшего труда и таланта, чем теоретические построения, но и является важнейшим элементом любой методологии создания последних, причем обязательным к исполнению. Ответственно и полно собранный банк данных становится важнейшим условием осуществления любого серьезного исследования. «Словарь книжников и книжности Древней Руси» как раз и демонстрирует нам возможность подобной методологии.

Составители «Словаря» отмечают, что он представляет собой разновидность литературной энциклопедии. Задача его — «по возможности полнее раскрыть репертуар памятников литературы, обращавшихся на Руси в течение семи веков» (с. 3).

В «Словарь» вошли сведения не только о писателях, но и об анонимных произведениях, о циклах произведений, о сборниках устойчивого состава. Переводные памятники, имевшие хождение на Руси в этот период, рассматриваются в нем в одном ряду с оригинальными.

Эту книгу советскому историку науки надо знать всю, а не только тексты, характеризующие естественнонаучные знания и представления наших пращуров. При этом историк науки получит не только добротную библиографическую справку — действительно важнейшую литературу по вопросу, но и определенный историко-культурный заряд.

Авторы-составители обоснованно указывают на специфику литературного наследия XI—XVII вв.: «Окололитературные памятники — письма, итинерарии, хронологические выкладки, равно как компиляции, позднейшие редакции, сборники в значительной степени определяют литературную продукцию XI—XVII вв., и всю ее охватывает понятие „книжность“» (с. 3). И далее ими подчеркивается: «Своеобразны были и представления об авторской собственности. Главной фигурой в литературном процессе был не писатель, а „книжник“, причем этим словом обозначается и автор — создатель собственного творения, и редактор, подвергавший переработке и компилировавший сочинения своих предшественников, и писец-копиист» (с. 4) (из последних в «Словарь» попали лишь те, чья деятельность носила творчески-профессиональный характер).

Одной из главных для историка науки характеристик «Словаря» является положенный в его основу принцип тотальности сбора мате-

риала. Он открывает, таким образом, путь к оценке всей суммы естественнонаучных знаний средневековой Руси. Но не только. Работа над «Словарем» потребовала от авторов решения вопроса о временных границах, т. е. о периодизации истории средневековой русской книжности. Внимание читателей привлечено к следующему положению: «Если определение нижней границы древнерусской литературы не вызывает сомнений, то верхняя граница остается весьма размытой, ибо процесс перехода от средневековой культуры к культуре Нового времени не был единовременным актом, но занял десятилетия, а в некоторых социальных слоях — даже столетия» (с. 4). Отсюда нарушения рубежа — 1700 г., условного конца средневековой литературы. Это существенный сигнал для историка науки, историка знания: анализ истоков русской литературы демонстрирует ее социальную неоднородность, а следовательно, необходимое различение литературы, несущей знание, и литературы «научной» в контексте истории культуры Нового времени.

Авторы подчеркивают, что периодизация древнерусской литературы — исключительно сложная и спорная проблема. Но «Словарь» убедительно показывает, что «книги знаний» нельзя исключить из всего корпуса древнерусской литературы, а посему сложность и спорность этой проблемы переносится в сферу истории русской науки, открывая новые поля исследований.

Сопоставление первых двух книг «Словаря» (двух периодов истории русской книжности) представляет необычайный интерес для историка науки, перед которыми разворачиваются свидетельства подвига народа, созидавшего свою культуру. Символическим поэтому кажется то, что «Словарь» открывается статьями об авторе «Слова о полку Игореве» и об «Азбучной молитве», восходящей к IX в. и приписываемой Константину (Кириллу) Философу, с ее крылатой метафорой: «И летит ныне словенеcko племя», с ее решимостью продлить традицию записи буквами изустной мудрости, утверждать право «нового народа» создавать историю на своем языке.

Главнейшие памятники XI — первой половины XIV в. раскрывают окружающий славянский мир. Это и книги «Хронографов», включая «Александрию Хронографическую» с ее географическими первосведениями, и те книги, которые послужили источниками для естественнонаучных добавлений в «Александрию» («Сказание об Индийском царстве», «Физиолог», «Апокриф о Макарии Римском», полностью не изученная «Златая чепь» и т. п.). Это и апокрифы об Андрее Первозванном, и «Житие и хождение Даниила, Русская земли игумена», и другая агнографическая литература, включая «Пространное житие Константина (Кирилла) Философа» — своеобразную антологию сочинений самого Константина.

Эти сочинения нельзя отнести к естественнонаучным, но они существенно дополняют подлинно научные трактаты, являясь как бы своеобразным пластом аккумулярованных знаний. Диакон и domestik Антониева монастыря в Новгороде Кирик (XII в.) оставил знаме-